

1989—2009: ДВАДЦАТИЛЕТИЕ СВОБОДЫ

Борис Межуев

Среди множества других юбилейных дат этого года — 200 лет рождения Гоголя, 100 лет со дня выхода «Вех» — одна имеет особую специфику. 20 лет со времени 1989 года. С одной стороны, эту дату нельзя обойти вниманием, в немалой степени потому, что к юбилею 1989 года готовится вся Центральная Европа, для которой именно этот год и является годом революции, освобождения от «коммунистической тирании» и начала воссоединения с Западом. **Россия не может просто устраниваться от разговора о своем собственном видении 1989.** С другой стороны, не очень понятно, что отмечать нашей стране в этом году. Чем для нас является 1989?

Перестройка началась, как минимум, двумя годами раньше, Союз распался, и коммунизм рухнул двумя годами позже. Проект «суверенной и независимой России» был представлен российскому обществу в 1990 году, во время выборов народных депутатов российского съезда. И, тем не менее, **интуитивно ясно, что 1989 изменил не только восточную часть Европы, но и постсоветское пространство.** После майского Первого Съезда народных депутатов СССР — последнего великого шоу советской исто-

активистов демократического движения. В страну вернулась массовая политика, а вместе с ней — обесценивание денег и товарный голод. Управляемый процесс либерализации постепенно сменился политическим хаосом, по мере паралича партийных органов на фоне все более последовательного движения республик к самостоятельности.

1989 год был последним годом советской истории. И дело не только в том, что в 1990 была принята Декларация о суверенитете России. В течение всей советской истории официальная идеология подчеркивала принципиальную значимость революции как, пожалуй, главного, если не единственного механизма исторического обновления. Поэтому Горбачев и говорил о революционном значении происходящих в стране «перемен». В 1989 слова стали реальностью: страна как будто и в самом деле решила испытать революционное потрясение и революционный энтузиазм от броска в неизвестное.

Александра Кабакова «Невозвращенец».

Итак, двадцатилетие чего отмечать России в 2009? Редакция РЖ решила, что прошедшее двадцатилетие в истории нашей страны, да и всего мира, прошло под знаком либерализма. Не случайно, **именно в 1989 году было высказано предположение, что история завершилась всемирной победой «либеральной демократии».** Это было двадцатилетие испытания идеи свободы в масштабах как России, так и всего мира. И существенно, что за это время сменилось, как минимум четыре политических поколения, выступавших со своим, очень особым пониманием свободы. Можно сказать, развивавших свой собственный «либеральный стиль». Мы определили их как стиль «Горбачев», «Клинтон», «Гавел» и «Путин», оставив для себя открытым вопрос, а появится ли в будущем новый стиль либерализма и кто окажется его выразителем.

Каждый из этих стилей имеет своих приверженцев и поклонников. Пожалуй, нынешний момент — короткое время эклектического подхода, когда всякий успешный либеральный политик, подобно Бараку Обаме, пытается быть немного Горбачевым, немного Клинтон, немного Путиным... а в иных случаях и немного Гавел. Но эпоха эклектики вряд ли затянется надолго. Уже в ближайшее время нам предстоит описывать какой-то новый политический стиль. ■

Именно в 1989 году было высказано предположение, что история завершилась всемирной победой «либеральной демократии»

рии, политический процесс на одной шестой части суши приобрел быстрый и вскоре неуправляемый характер. Демократы провели серию митингов в Лужниках (впоследствии многотысячные митинги в центре города станут регулярной формой политической мобилизации антикоммунистической оппозиции), уже летом СССР потрясла серия шахтерских забастовок, осенью началась шумная компания по выборам в местные Советы, приведшая вскоре к власти на местах

Этот бросок завораживал, хотя и пугал. Состояние неизвестности длилось на самом деле недолго: **с середины 1990 стало более-менее очевидно, какое направление в конечном итоге примет история. Российская номенклатура в союзе с российскими демократами стали постепенно приучать граждан РФ к мысли о самостоятельности.** Но в 1989 никакой ясности еще не было — свидетельством чему может служить потрясшая летом того года московскую интеллигенцию антиутопия